

УДК 340

КОДИФИЦИРОВАННЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ В СИСТЕМЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лукашева Н. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье обосновывается теоретическое положение о том, что указания в большинстве кодексов на их большую юридическую силу по сравнению с другими федеральными законами, находятся в коллизии с теми правовыми нормами, которые установлены федеральными законами и не соответствуют по своему содержанию кодексам. Эти коллизии нуждаются в анализе с помощью соответствующих логических средств. Между тем, в научной литературе указанные коллизии игнорируются и обычно считается, что приоритет кодексов перед другими законами является аксиомой. Автор доказывает, что огорка о приоритете кодексов имеет правоприменительное значение только для разрешения коллизий между кодексами и ранее принятыми федеральными законами. Коллизии между нормами, устанавливающими такой приоритет, и позднее принятыми федеральными законами должны разрешаться в пользу последних.

Ключевые слова: кодексы, федеральные законы, толкование, коллизии, Конституционный суд.

Проблема соотношения кодифицированных законодательных актов с другими федеральными законами, разрешения коллизий между первыми и вторыми приобрела существенную остроту. Она вносит неопределенность в правоотношения, что отрицательно сказывается на защите прав участников таких правоотношений. Рассматриваемая проблема имеет также и правотворческий аспект: несмотря на последовательность позиции законодателя, нельзя утверждать, что эта позиция бесспорна и не нуждается в коррективах. Исходя из изложенного, обращение к исследованию соотношения кодифицированных законодательных актов и других федеральных законов должно быть признано актуальным.

Актуальность проблемы, о которой здесь идет речь, обуславливается также отсутствием научных публикаций, в которых комплексно и всесторонне исследовалась бы эта проблема. Лишь некоторые ее аспекты стали предметом внимания ученых В. А. Белова, Н. Д. Егорова, В. П. Камышанского, Ю. А. Тихомирова. Проблема приоритета кодифицированных законодательных актов привлекла внимание юристов-компаративистов Р. Давида и К. Жоффре-Спинози, К. Цвайгерта и Х. Кётца.

Целью настоящей статьи является поиск путей преодоления на стадиях правоприменения и правотворчества правовой неопределенности, порождаемой положениями кодексов, предусматривающими преимущество при правоприменении норм,

которые ими установлены, перед правовыми нормами, установленными другими федеральными законами.

Проблема придания кодифицированным законодательным актам преимущества при правоприменении, установления требований к другим федеральным законам соответствовать кодифицированным законодательным актам, как представляется, возникла вследствие того, что в течение десятков лет юридическая наука не уделяла должного внимания исследованию коллизий в праве и путей их разрешения. Стало складываться без достаточных оснований такое представление, что разрешение коллизий в праве не представляет собой сложной задачи. А раз так, то можно эту задачу немножко усложнить приданием кодексам большей юридической силы по сравнению с другими федеральными законами. Очевидно, имелось в виду, что суды разберутся. Но ведь оказалось, что не разобрались. В результате страдает правовая определенность.

Правовая определенность и до этого страдала. И масштабы этого явления были едва ли не планетарными. Это можно было заметить еще в юридической практике Древнего Рима. Объем настоящей статьи не позволяет, однако, анализировать эту практику. Обратимся к более позднему опыту. Немецкие исследователи К. Цвайгерт и Х. Кётц пишут: «Первые десятилетия после вступления в силу ГК (имеется в виду ГК Франции 1804г. – Н. Л.) представляли собой малопродуктивную позитивистскую фазу его развития, которая характеризовалась буквальным и логическим толкованием его текста (так называемая «школа толкования» – *ecoledelexegese*). Судебная практика при этом совершенно игнорировалась» [1, с. 148]. Авторы, правда, не поясняют нам, по какой причине школа, которая характеризовалась буквальным и логическим толкованием, оказалась «малопродуктивной». Или «буквальное и логическое толкование» – это вообще плохо, недостойно, может быть, даже и непристойно, или ученые вместе с судьями, представлявшими эту «школу», не смогли подняться на необходимый научный и профессиональный уровень. Скорее всего – и то и другое, подтверждением чего является уничижительная оценка Ф.К. ф. Савиньи сложившейся на то время теории правотолкования, которую (уничижительную оценку) он обосновывает и причинами, зависящими от этой теории, и дефектностью самой идеи научиться правотолкованию путем изучения соответствующей теории [2, с. 389].

Ученик Ф. К. ф. Савиньи и соратник по исторической школе права Г. Ф. Пухта прямо называет юридическую герменевтику поверхностной, бесплодной, не проникающей в суть дела, сухой дисциплиной [3, с. 57]. Это уже больше похоже не на научную дискуссию, а на ругательство. «Бесплодная» – это, конечно, сказано о самой сущности науки правотолкования. Но на бесплодности и надо было сосредоточиться, а не усиливать эту характеристику признаками, которые сущности юридической герменевтики никак не касаются, ибо поверхностность, сухость и неумение проникнуть в суть дела – это признаки сложившейся к тому времени теории правотолкования, результат работы ученых, которые создали эту теорию в таком виде, не сумели преодолеть поверхностность, придать ей живой характер и проникнуть в суть дела.

Впрочем, К. Цвайгерт и Х. Кётц все-таки оставляют «школе толкования» шанс на реабилитацию, указывая, что эта школа оказалась не в состоянии быть полезной судьям «при применении ГК в условиях изменившихся социальных отношений» [1, с. 148]. Выходит, что все-таки «школа толкования» оказалась несостоятельной не в силу своей сущности и даже не вследствие низкого теоретического и профессионального уровня, а вследствие изменений, произошедших в регулируемых общественных отношениях.

В условиях современной России нет никаких оснований утверждать, что какой-либо закон вследствие изменившихся общественных отношений стал неприемлем для этих отношений, которые его отторгают, как отторгает живой организм чужеродную клетку. Тогда, может быть, будет признано допустимым использовать методы «школы толкования» – буквальное и логическое толкование – для того, чтобы понять как буквальное значение положений законодательных актов и вообще, и в особенности тех положений кодифицированных законодательных актов, которые придают им большую по сравнению с другими федеральными законами силу, так и логические, в том числе и системные, связи этих положений с другими положениями тех же законодательных актов, других федеральных законов, а особенно с положениями Конституции?

В соответствии с частью третьей ст. 76 Конституции «федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам». Это конституционное положение не только характеризуется юридической определенностью, но и является удобным для логического анализа. Понятие федеральных конституционных законов, которое употребляется в части третьей ст. 76 Конституции – это видовое понятие по отношению к родовому понятию федеральных законов. При правоприменении это видовое понятие толковать очень просто: федеральными конституционными законами являются федеральные законы, которые самим законодателем обозначены как федеральные конституционные. Термин «федеральные законы», употребляемый в части третьей ст. 76 Конституции, обозначает соответствующий род. Однако из контекста этой части явствует, что под словом «федеральные законы» здесь понимаются только те федеральные законы, которые не являются федеральными конституционными. Таким образом, федеральные законы, не являющиеся конституционными, не могут противоречить федеральным конституционным законам. В части третьей ст. 76 Конституции также логически закреплена (такое можно заметить, исходя из позиций «школы толкования») правовая норма, которая обнаруживается при помощи вывода *asontraio* и в соответствии с которой к федеральным законам не предъявляется требование соответствия каким-либо другим федеральным законам. Это – норма, которая логически закреплена в части третьей ст. 76 Конституции. И с ее наличием в содержании указанной статьи соглашается Конституционный суд: «Ни один закон в силу ст. 76 Конституции Российской Федерации не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой» (Определение от 3 февраля 2000г. № 22-О).

В соответствии с частью первой ст. 15 Конституции она имеет высшую юридическую силу, а законы не должны противоречить Конституции. Следовательно, с учетом изложенной выше правовой позиции Конституционного суда, положения

кодифицированных законодательных актов, придающие этим актам большую юридическую силу по сравнению с другими федеральными законами, противоречат Конституции. Можно было бы сказать, что упомянутые положения вследствие противоречия Конституции применяться не должны. Но такому утверждению препятствует выработанная Конституционным Судом правовая позиция, в соответствии с которой при обнаружении несоответствия Конституции федерального закона, подлежащего применению при разрешении конкретного дела, суд обязан обратиться в Конституционный суд с запросом о проверке конституционности этого закона (Постановление от 16 июня 1998г. № 19-п «По делу о толковании отдельных положений ст.ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации»). Позднее эта правовая позиция была отражена в п.13 ст.13 АПК и п.3 ст.15 КАС. Но приведенная в Определении от 3 февраля 2000г. № 22-О правовая позиция Конституционного суда, в соответствии с которой федеральный закон, не относящийся к категории федеральных конституционных законов, не может иметь большей юридической силы по сравнению с другими федеральными законами, была воспринята законодателем непоследовательно. Возможно, это связано с тем, что она изложена не в постановлении Конституционного суда, а в определении. Имеется в виду, что в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС основанием отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке является неправильное применение норм материального права, в частности неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовых позиций, изложенных в постановлениях (а не определениях) Конституционного суда. В этом законодательном положении логически закреплена правовая норма, которая обнаруживается при помощи вывода от последующего правового явления (права апелляционного суда отменить или изменить решение суда первой инстанции при наличии основания, указанного в п.3 ч.3 ст. 310 КАС) к предыдущему правовому явлению (обязанности судов толковать закон с учетом правовых позиций, изложенных в постановлениях Конституционного суда). А п. 4 ст. 108 КАС предусматривает, что в решении суда могут содержаться ссылки на решение Конституционного суда, к которым в соответствии со ст.170 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» относятся не только постановления, а и заключения и определения Конституционного суда.

Поэтому продолжим логический анализ положений кодифицированных законодательных актов, придающих этим актам большую юридическую силу по сравнению с другими федеральными законами. Но прежде сделаем оговорку относительно преодоления опыта «школы толкования» в части буквального и логического толкования законодательных положений. Какая концепция восторжествует – естественно – правовая, социологическая, аксиологическая, реалистическая, позитивистская или любая другая – это вопрос десятой очереди. Главное в том, что юрист – профессионал должен уметь буквально и логически исследовать нормативные положения. Сегодня же неумение это делать преподносится как достоинство. Профессионал не может пояснить, где, в какой части и почему ему тесно в рамках позитивного права. По большому счету, он не умеет работать с нормативными текстами. Но зато он, отбрасывая позитивное право, борется за утверждение естественно-правового подхода при правоприменении, за утверждение судейского правотворчества и т.п. Все

это – допустимо, но только после освоения позитивного права, действующего в стране и обязательного в силу Конституции, с помощью соответствующих логических средств. Поэтому возвратимся к дальнейшему логическому анализу.

Итак, имеем положения кодифицированных законодательных актов о том, что другие федеральные законы должны соответствовать указанным актам. Это – предписания законодателя, а потому они не могут игнорироваться. Но это не исключает постановки вопросов о коллизиях между такими законодательными положениями и иными положениями федеральных законов и о способах их разрешения. Представляется логичным утверждение о том, что при обнаружении противоречия между положением федерального кодифицированного законодательного акта и федерального закона, который был принят ранее, коллизия может быть разрешена при помощи правила *lex posterior derogat priori*. Это правило должно применяться и к случаям, когда ранее принятый федеральный закон устанавливает специальные нормы, поскольку содержащееся в кодексе требование о соответствии ему других федеральных законов по своему юридическому содержанию может приравниваться к запрету на применение положений ранее принятых федеральных законов, на соответствующих положениям кодекса.

Средством разрешения коллизии между кодексами и другими ранее принятыми федеральными законами может служить и оговорка «если иное не установлено федеральным законом», которая может содержаться и в положении, установленном кодифицированным законодательным актом, и в конкурирующем положении иного федерального закона. Такая оговорка, включенная в федеральный закон, исключает применение соответствующего положения этого закона вопреки положениям других федеральных законов, в том числе кодексов. Если же такая оговорка включена в кодифицированный законодательный акт, то она исключает применение соответствующего положения кодекса. И такому действию указанной оговорки не препятствует правило о большей юридической силе кодекса по сравнению с другими федеральными законами. Заметим также, что оговорка, о которой идет речь, действует в отношении как ранее, так и позднее принятых федеральных законов, в том числе кодексов. Еще одно средство, которое является достаточно юридически определенным и, которое исключает применение ранее установленных федеральных законов, противоречащих кодифицированному законодательному акту, – это указание в кодифицированном акте на применение ранее принятых федеральных законов только в части, в которой они не противоречат новому кодифицированному законодательному акту. Реальное значение такого указания, как складывается впечатление, надлежащим образом еще не осмыслено. Имеется в виду, что такое указание исключает применение специальных правовых норм, установленных ранее принятыми федеральными законами. Это создает угрозу неоправданного исключения действия многих специальных правовых норм, особенно в тех случаях, когда такое указание содержится в крупных законодательных актах, какими всегда являются кодексы. Однако законодатель часто использует упомянутое указание в кодифицированных законодательных актах (например, в ст. 423 ТК) и в федеральных законах о введении в действие кодифицированных законодательных актов. В частности, такое указание содержится в федеральных законах о введении в действие каждой из четырех

частей Гражданского кодекса. С учетом таких указаний оговорка о высшей юридической силе кодифицированных законодательных актов в той части, в которой она касается ранее принятых федеральных законов, утрачивает практическое значение. Следует также учитывать, что такая оговорка, включенная в позднее принятые федеральные законы, исключает применение положений ранее принятых кодифицированных законодательных актов.

Тогда обратимся к анализу коллизии между указанием в кодифицированных законодательных актах об их большей юридической силе и положениями других федеральных законов. Логично будет, если этот анализ будет осуществлен, исходя из позиций «школы толкования», с использованием соответствующих логических средств. При этом коллизии между ранее принятым кодифицированным законодательным актом, с одной стороны, и позднее принятыми федеральными законами, с другой, должны будут разрешаться на уровне правовых норм, а не в целом. Такие коллизии между правовыми нормами сначала должны разрешаться по правилу *lex posterior derogat priori*. Преимущественно перед этим правилом будет применяться правило *lex specialis derogat generali*. Эта коллизия реально существует, ибо указанная норма кодифицированного акта придает большую юридическую силу этому акту, а из логики связей между ранее и позднее принятыми федеральными законами следует, что коллизия, о которой здесь идет речь, должна разрешаться в пользу правовой нормы, установленной позднее принятым федеральным законом.

Указанная коллизия не может быть разрешена при помощи правила *lex specialis derogat generali*, поскольку соответствующие конкурирующие правовые нормы не соотносятся как общая и специальная, ввиду того, что сферы их действия совпадают лишь в небольшой части, в остальной сфере действия каждой из них выходит за пределы действия другой. При таких условиях коллизия, о которой идет речь, должна быть разрешена в пользу нормы, установленной позднее принятым федеральным законом (а не в пользу правовой нормы, установленной ранее принятым кодифицированным законодательным актом, содержащим указание на его большую по сравнению с другими законами юридическую силу) в соответствии с правилом *lex posterior derogat priori*.

Выходит, что коллизии между правовыми нормами, которые установлены позднее принятыми федеральными законами, с одной стороны, и указаниями в кодифицированных законодательных актах на их большую юридическую силу, – с другой, должны разрешаться в пользу названных правовых норм. А противоположные утверждения не отражают все содержание соответствующих законодательных актов, являются следствием отказа от логического их анализа.

В итоге преимущественное значение указания на большую юридическую силу кодифицированных законодательных актов по сравнению с другими федеральными законами сводится к преимущественному применению норм, установленных такими актами, перед правовыми нормами, которые установлены ранее принятыми федеральными законами, если потребность в применении положения о приоритете соответствующего кодекса перед другими федеральными законами не исключена оговоркой в ранее принятом федеральном законе о применении его положений, если иное не установлено федеральным законом, они включаются в позднее принятый

федеральный закон правилом о применении ранее принятых федеральных законов только в части, не противоречащей новому кодифицированному законодательному акту.

Поскольку «школа толкования» побеждена не только во Франции, Западной Европе, но и в России, логический анализ, который был здесь осуществлен, не может восприниматься ни наукой, ни юридической практикой. Он отбрасывается так же, как когда-то логические средства толкования отбрасывал Г. Кельзен, поскольку они вообще, по его мнению, являются негодными и дают противоположные результаты [4, с. 426]. Возникает вопрос о том, достаточно ли попыток применения таких средств совершил классик мировой позитивистской мысли и основатель чистого учения о праве, чтобы сделать вывод об их негодности. А может быть они для него являются негодными *a priori*?

Подобно Кельзену и современные российские ученые попыток разрешения с помощью логических средств коллизий между указаниями в кодифицированных законодательных актах об их большей юридической силе по сравнению с другими федеральными законами, с одной стороны, и правовыми нормами, установленными иными федеральными законами, - с другой, не предпринимают. В частности, Ю. А. Тихомиров сделал вывод о том, что правоприменительная практика признает доминирующую роль Гражданского кодекса: «Достаточно сослаться на Постановление Конституционного суда РФ от 23 февраля 1999 г. по делу о проверке конституционности части второй ст. 29 ФЗ от 3 февраля 1996 г. «О банках и банковской деятельности». Речь шла о допустимости действий банков в одностороннем порядке снижать размер процентов по вкладам на основании части второй ст. 29 названного Федерального закона. Между тем, ГК РФ не допускает таких действий, что и послужило основанием для признания указанной нормы не соответствующей Конституции РФ» [5, с. 53–54]. Однако ссылка Ю. А. Тихомирова на Постановление Конституционного суда от 23 февраля 1999 г. № 4-П является некорректной. Основанием признания не соответствующей Конституции ч. 2 ст. 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» являлось несоответствие указанного законодательного положения статьям 34 и 55 (части 2 и 3) Конституции, а не Гражданскому кодексу. Что касается противоречий между нормами, установленными федеральными законами, в т. ч. кодексами, то Конституционный суд в упомянутом Постановлении подчеркнул, что они должны разрешаться судами общей юрисдикции. Выходит, что ссылка на это Постановление никак не может быть признана достаточной для обоснования преимуществ Гражданского кодекса.

В. А. Белов главным основанием правила о приоритете Гражданского кодекса над другими законами называет «предположение о разумности всяких действий законодателя, в том числе такого как признание за одним из принятых им законов значения кодифицированного акта – акта, содержащего общие положения и принципы, подчиняющие себе все правовое регулирование в целом. Отсутствие правила о приоритете кодифицированных актов лишает их смысла» [6, с. 238]. А что же делать с кодексами, которые не содержат оговорок о приоритете? Считать, что в этом случае законодатель действовал неразумно? Или считать, что такая оговорка в ука-

занных кодексах все-таки есть, поскольку законодатель не мог действовать неразумно?

Следует заметить, что принцип разумности при правотолковании учитывать необходимо. Ведь законы принимаются для людей, а поэтому должны соответствовать природе человека. Абстрактно рассуждая, только вера может быть поставлена выше разума. Но Российская Федерация – светское государство (часть первая ст. 14 Конституции). А принципы, даже если они закреплены в Конституции, имеют свои пределы применения. Нельзя без каких-либо оговорок применять этот принцип, ибо предположение о разумности правила о приоритете кодифицированных законодательных актов в такой же мере может быть отнесено и к позднее установленным федеральными законами правовым нормам, противоречащим положениям кодифицированного законодательного акта.

Необходимо было бы учесть и замечание Р. Давида и К. Жоффре-Спинози о том, что «использовать общие формулы против конкретных – это значит перевернуть принцип «специальный закон имеет преимущество перед общим». Это, в свою очередь, чревато риском поставить под угрозу правопорядок в целом, заменить судебную практику, основанную на толковании закона, судебной практикой, руководствовавшейся несколькими весьма общими нормами» [7, с.90].

Признание преимущества кодифицированных законодательных актов, столь естественное для отечественной юридической науки, оспаривают К. Цвайгерт и Х. Кётц: «Никогда, однако, национальные законы или обычаи не рассматривались при этом как низшие по отношению к кодексам в том, что касалось их значения и методов толкования. Эту традицию стоит сохранить. За исключением тех случаев, когда законодатель специально оговаривает иное, кодексы не имеют никакого приоритета по сравнению с не включенными в них законами. Кодексы и отдельные законы в том, что касается их толкования, равнозначны для юристов. Это еще более верно, если вспомнить, что наименование кодекса получили многие законы, ни в коей мере не претендующие на выражение всеобщих принципов» [1, с. 82–83].

Изложенное дает основание для вывода о том, что признание приоритета кодифицированных законодательных актов по отношению к позднее принятым федеральным законам *delegelata* является не соответствующим действующему позитивному праву. *Delegeferend* а признание такого приоритета является нецелесообразным. Отстаивая упомянутый приоритет, В. А. Белов пишет: «Правила ГК должны предпочитаться правилам иных законов просто потому, что это – правила кодекса, т.е. общие положения (принципы), предопределяющие одно – единое направление развития и единообразное содержание гражданско-правового регулирования всех общественных отношений определенного типа. Если бы законодатель не желал установления таких начал, незачем было бы принимать Кодекс – вполне возможно было бы обойтись разрозненными законодательными актами (так называемым вермишелевым законодательством)» [6, с. 165]. С учетом изложенного выше относительно общих формул и принципов аргументы В. А. Белова в пользу большей юридической силы кодифицированных законодательных актов могут быть в большей мере использованы против этого утверждения.

Следует также учитывать и то обстоятельство, что приданием приоритета кодифицированным законодательным актам правотолкование, разрешение коллизий в праве и правоприменение осложняются до той степени, когда начинает становиться уместной цитата из произведения Р.ф. Иеринга «Юридическая техника»: «Какую пользу приносят точнейшие и подробнейшие законы, если судья (как это, например, было в позднейшем императорском периоде в Риме да имеет место и ныне в Англии) при самом сильном желании едва способен овладеть ими? Какая польза от тончайших определений понятий и разграничений, если их применение к отдельному случаю наталкивается на величайшие затруднения вследствие недостатка в формальной осуществимости закона?» [8, с. 331].

Приведем два примера (больше не позволяет объем статьи). Первый: Гражданский кодекс (ст. 3) закрепляет большую юридическую силу устанавливаемых им правовых норм. При этом из положений ст. 130, 260–287 ГК явствует, что этот Кодекс распространяется и на земельные отношения. Но Земельный кодекс (ст. 2) предусматривает приоритет этого Кодекса среди других федеральных законов в регулировании земельных отношений, допуская регулирование имущественных отношений по поводу земельных участков гражданским законодательством только в части, не урегулированной земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды, специальными федеральными законами (ст. 3 ЗК). Подчеркнем, что в этой статье дважды указывается на «законодательство», то есть регулирование имущественных отношений по поводу земельных участков гражданским законодательством (в т.ч. и Гражданским кодексом) допускается только в случаях, когда указанные отношения не урегулированы не только федеральными законодательными актами, но и подзаконными актами федеральных органов исполнительной власти и даже законами и другими нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Положения, ограничивающие применение в частности Гражданского кодекса к имущественным отношениям по поводу использования земельных участков сельскохозяйственного назначения, содержатся также в п. 6 ст. 1 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Это обилие правил о приоритетах не только оттесняет Гражданский кодекс на периферию правового регулирования имущественных отношений по поводу земельных участков и оборота земель сельскохозяйственного назначения, но и вообще исключает возможность рационального разрешения соответствующих законодательных коллизий.

Подобная ситуация сложилась и в связи с приданием приоритета Трудовому кодексу (ст. 5 ТК). Наряду с этим приоритетом предусматриваются пределы, в которых могут устанавливаться особенности правового регулирования труда (ст. 252 ТК). Специально предусматривается возможность распространения на государственных гражданских служащих и муниципальных служащих трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права с особенностями, предусмотренными соответствующими нормативными правовыми актами (часть седьмая ст. 11 ТК). Позднее принимается Федеральный закон «О государственной гражданской службе», который вообще не называет Трудовой кодекс в числе нормативных правовых актов, регулирующих отношения, связанные с гражданской

службой (ст. 5), очевидно, относя этот Кодекс к другим федеральным законам, содержащим нормы трудового права, которые применяются к отношениям, связанным с гражданской службой, в части, не урегулированной названным Федеральным законом. Выходит, что в конечном счете приоритет имеет этот федеральный закон, а не Трудовой кодекс.

Этими двумя примерами не исчерпываются все случаи усложнения правил о приоритетах федеральных кодифицированных законодательных актов и разрешения коллизий между ними и другими федеральными законами. Такое усложнение делает невозможным разрешение в обычных условиях коллизий с участием правовых норм, установленных федеральными кодифицированными законодательными актами. Поэтому положения о приоритете кодексов по сравнению с другими федеральными законами из всех федеральных кодифицированных законодательных актов следует исключить.

Список литературы:

1. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. – Т. I. Основы. – М.: Международные отношения, 1998. – 480 с.
2. Совиньи Ф. К. ф. Система современного ... права. В 8 т. Т. I. – М.: Статут, 2011. – 510 с.
3. Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфор, 2002. – 508 с.
4. Кельзен Г. Чистое учение о праве. – СПб.: Издательский дом Алеф-Пресс, 2015. – 542 с.
5. Тихомиров Ю. А. Коллизионное право: Учебное и научно-практическое пособие. – М., 2005. – 394 с.
6. Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право: учебник. – М.: Юрайт, 2011. – 521 с.
7. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М.: Международные отношения, 1999. – 400 с.
8. Иеринг Р. Ф. Избранные труды. В 2 т. Т. I. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 618 с.

Lukasheva N.N. Codified Legislative Acts in the System of Federal Laws of the Russian Federation
// Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 3. – P. 213–222.

The article substantiates the theoretical proposition that the indications to greater legal force of most codes in comparison with other federal laws are in conflict with those legal norms that are established by federal laws and do not correspond to the content of the codes. These collisions require analysis with the help of appropriate logical means. Meanwhile, these conflicts are ignored in the scientific literature, and the priority of codes over other laws is usually believed to be an axiom. The author proves that the stipulation on the priority of codes is of legal importance only for resolving conflicts between codes and previously adopted federal laws. Conflicts between the norms that set such a priority, and later adopted federal laws should be resolved in favor of the latter.

Keywords: codes, federal laws, interpretation, collisions, Constitutional Court.

Spisok literatury:

1. Tsvaygert K., KYotts H. Vvedenie v sravnitelnoe pravovedenie v sfere chastnogo prava: V 2-h tt. – T.I. Osnovy. – M.: Mezhdunarodnyie otnosheniya, 1998. – 480 s.
2. Sovini F. K. f. Sistema sovremennogo ... prava. V 8 t. T.1. – M.: Statut, 2011. – 510 s.
3. Vaskovskiy E.V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanski hzakonov. – M.: TsentYurInfor, 2002. – 508 s.
4. Kelzen G. Chistoe uchenie o prave. – SPb.: Izdatelskiy dom Alef-Press, 2015. – 542 s.
5. Tihomirov Yu. A. Kollizionnoe pravo: Uchebnoe i nauchno-prakticheskoe posobie. – M., 2005. – 394 s.
6. Belov V. A. Grazhdanskoe pravo. Obschaya chast. T.I. Vvedenie v grazhdanskoe pravo: uchebnik. – M.: Yurayt, 2011. – 521 s.
7. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnyie pravovyye sistemyi sovremennosti. – M.: Mezhdunarodnyie otnosheniya, 1999. – 400s.
8. Iering R. F. Izbrannyye trudyi. V 2 t. T.I. – SPb.: Yuridicheskiiy tsentr Press, 2006. – 618 s.